

Великое дело — поездки в другие страны. Когда-то русские их боялись и не признавали. Давно это было — в начале восемнадцатого века царь Петр самолично выгнал детей боярских за границу: чтобы мир посмотрели и разные ремесла-науки освоили. С середины того же века поездки в дальние земли стали условием образованности русских дворян. Княгиня Дашкова повезла сына в Европу на обучение. Так, наверное, и написала в прошении: пусти, мол, меня, матушка-царица, за границу, чтобы сын мой там уму-разуму набрался.

С тех пор и до известного семнадцатого года ездила российская знать в далекие края: мир посмотреть, себя показать, здоровье подлечить. В советские времена за граница для многих оказалась закрытой. Разве что члены государственных семей да дипломаты, иногда журналисты и актеры могли там побывать. А простому народу это не нужно. Учиться у иностранцев нам негоже, поскольку мы, как поется в одной известной песне, «впереди планеты всей».

Шпионов всяких и вербовщиков там завалили. Ехал русский Вася в загранку по случаю и всего боялся: в бордель не заманили бы, в магазинах ихних, опять же, обманут. В ресторан пойти — так у них любая забегаловка называется — денег не хватит. Только война, будь она неладна, помогла советскому человеку мир увидеть и себя показать.

В девяностые годы наметился перелом. На каждой улице и в каждом доме турфирмы сидят — в мир зазывают. Денег немного подсобрал — в Турцию поплывешь. Скопил побольше — самолетом в Европу полетишь. Много денег набрал — дорога твоя пролегает на Канарские или Гавайские острова.

Муж мой накопил на поездку в Прагу.

Сидим в аэропорту, ждем отлетного часа, и не верится. Неужели это я в Европу еду? Царя Петра упрашивать бы не пришлось. Уж я бы скоро навострилась: маменька, папенька, вы тут щи хлебайте, а я в дальние страны, как царь-батюшка велел, спешу. Да не про то сейчас речь.

Народ в нашей туркомпании попался разный: от заядлых интеллигентов до квадратных мужиков. Квадратные — коротко стриженные, в мозгу две извилины, где-то кого-то пообманули в перестроечные времена, капитал сколотили, хозяевами стали. Давай, Маруся, в мире богатство приобретенное покажем, песни блатные попоем, текилой ихней кактусовой обопьемся. Интеллигенты — те в очках, себя уважают. Сто рублей в кармане, но за границей — «белые люди», требуют, чтобы их обслуживали по высшему классу.

Мы с мужем из интеллигентов. Гол как сокол, только виду не показывай: фирмачи, в теннис играем, о кортах мечтаем.

— Слушай, а не пойти ли нам по пиву? — перебивает муж мои размышления. — Самолет еще не скоро, а здесь без буфетной наценки.

Он пиво обожает, иногда думаю, сильнее, чем меня. Когда домой поздно приползает, еле двигаясь, не от водки, от усталости, обязательно приносит с собой пиво. Молча в бокалы разливает, в кресло садится, ноги вытягивает, пивко попивает, в себя приходит. Я рядом сижу, на него гляжу и тоже наслаждаюсь пивом. С молодых лет помню приговору: пейте пиво пенное, морда будет офигенная. Морда, по-нашему лицо, у мужа — нормальная. Зато живот, как шутят — трудовой моль, уже значителен. То ли от пива, то ли от многосидячей работы.

— По пиву, говоришь? Пойдем, мне все равно, где ждать.

В буфете покупаем бутылочное пиво. Муж долго и терпеливо разливает его в кружки: желто-коричневое, с пряным запахом, чуть с горчинкой, пены немного. Приступаем к ритуалу питья золотистого напитка. Я пью маленькими глотками: пиво холодное, а у меня после холодного всегда горло болит.

— В Праге обязательно будем пиво пить. Чешское на весь мир славится, а в нем более ста марок, — радостно сообщает муж.

— Например, какие? — спрашиваю, чуть сомневаясь в его познаниях.

— Старопрамен, Будвар, Праздрой, Бернард. У каждого свой вкус. Тебе, наверное, понравится Будвар — с нежным вкусом и легкой горчинкой, или Бернард. У него густая пена и мягкий вкус.

— Слушай, давай заведем ритуал: будем фотографировать тебя в каждом городе с кружкой пива. Получится интересная коллекция: ты и пиво разных народов.

Конечно, можно было предложить фотографировать меня. Я выгляжу гораздо интереснее, но мужу приятно — о нем думают, его

хотя запечатлеть на фотопленке, которая, между прочим, лет через пять пожелтеет и потеряет ценность. Мы все не лишены мании величия. Величие моего мужа безгранично, впрочем, во вполне реальных масштабах. И что мне стоит чуточку поддержать это величие, чтобы насладиться великолепием поездки?

Объявляется посадка. Как хорошо, что летим, а не трясемся в поезде! Часа через два будем в Праге — в «красавице Праге». Ее «золотою недаром зовут», — звучит во мне радостно строка песни, слышанной с детства.

Пиво-пиво, далось оно мне. Раздумываю о нем в самолете. Между прочим, есть и русское пиво. В старые времена оно олуем называлось или олониной. «Плесни-ка мне, братец, олуя», — сказала бы я домовитому хозяину средневековой Москвы. Нет, не сказала бы: сидела бы взаперти на женской половине, сама бы себе пива наливала, поскольку тогда мужья за женщинами не ухаживали и за границу жен не возили. В те далекие времена олуей варился в пивоварнях при кабаках и в домах зажиточных горожан, имевших на то разрешение. Ячмень, овес, рожь или пшеница становились основой для пива. Хранили его, чтобы не испортилось, в ледниках, вроде современных погребов, под снегом и льдом. Было оно вкусным, как утверждали заезжие иностранцы, но мутным.

И что меня в историю понесло? В Прагу лечу. Вот уже видны из самолета красные крыши Чехии. Скоро-скоро вступлю в мир другой жизни.

Впечатления от Праги разные и все с восхищением и удивлением!

Вот мы на Национальном проспекте, бегущем куда-то вдаль, в неизвестность. Я уже люблю эту неизвестность и знаю, мне здесь будет уютно. Шумный и яркий проспект, по которому торопливо спешат по делам пражане и медленно прогуливаются туристы.

Вечером течет по проспекту городской оркестр, веселит народ бравыми маршами. За музыкантами следом торопятся, стараясь не отстать, прохожие. Целеустремленно преследует оркестр женщина, одетая в цветочно-молодежном стиле. Кто она и почему так направленно стремится за бравой музыкой? По возрасту ей уже о-го-го сколько лет. Галантные французы говорят: нет на земле женщин, примиренных со старостью. И убеждают весь мир: женщине столько лет, на сколько она выглядит. Эта женщина выглядит на многие годы жизни. А душа ее бьется в молодежной моде, в громкости и праздничности марша! Завороженная звуками марша, я думаю: умеют же пражане превратить будни в праздник!

Храм святого Вита. О нем я рассказывала ученикам на уроках истории. Говорила о красоте витражей и скульптур, но и представить не могла, насколько они великолепны. Так бывает: с убежденностью рас-

сказываешь детям о том, чего доподлинно не знаешь. Теперь я знаю. И буду рассказывать: «Матье из Арраса, французский архитектор, заложил кафедральный собор святого Вита. Строили собор очень долго: начали в четырнадцатом столетии, а закончили лишь в начале двадцатого. И какой великолепный храм построили! Один из самых красивейших в Европе! Яркие, солнцем залитые витражи, обилие золото льющих скульптур, ажурные решетки окон, дверей и стен создают впечатление необычного, сказочного видения. А башни собора, летящие ввысь, увлекают за собой. Так бы и полетела в небесное безбрежие!».

Выходим на Староместную площадь. Огромная! На знакомство с ней можно потратить целый день, у нас же лишь пара часов. Окружают площадь дома разных стилей и величин. Возвышается башня Староместной ратуши, напротив которой крепко стоит храм святого Николая, по-чешски — Микулаша. Перед храмом с высокого пьедестала смотрит на горожан величественный Ян Гус, знаменитый проповедник и ректор Пражского университета начала пятнадцатого века.

Разместились на площади художники и ремесленники. Постой немного и понаблюдай за их славной работой: как крендельки выпекаются, салфетки вышиваются, платки разрисовываются, ножи затачиваются. Не хочешь стоять? Можно прокатиться в экипаже по площади и близлежащим улочкам.

— Давай прокатимся,— с мальчишеским задором предлагает муж. Его начальственность исчезла, со мной рядом идет веселый и открытый миру человек.

— Это, наверное, дорого стоит?— отвечаю, по привычке считая семейную копейку.

— Ну и что? Зато увидим Прагу не только из окон автобуса. Поехали,— скомандовал он, и я, разумеется, не сопротивляюсь, поскольку появилась возможность немного пофантазировать.

Возница в чешском костюме погоняет свою приятельницу-лошадь. Я — знатная жительница Праги — проезжаю мимо Яна Гуса. Строг, больно непримирим к моим женским прелестям, как и непримирим к ненавистным ему католикам.

— Ах, магистр искусств,— шепчу я в запале,— создатель народных песен и литературного чешского языка, не сердись, не католики мы.

— Да,— отвечает мне великий проповедник,— христианин должен искать правду, даже рискуя жизнью.

О чем это Ян Гус? О чем это я?.. Да размышлять некогда, спешу выпить магию города.

Веселый художник махнул мне рукой, будто старый знакомый.

Дома высокие и низкие, и каждый особенный — со своим необыкновенным украшением: скульптурами, строением готических окон, узорами, надписями, росписями.

Улочки узкие и широкие. На широких нас обгоняют машины.

Старина и современность — «в одном флаконе». В стилизованной средневековой повозке город лучше виден: не высоко — не низко, не быстро — не медленно, сидишь — наблюдаешь. Успеваешь рассмотреть в деталях. Жаль: поездка окончена, дальше идем пешком.

Почти кукольная Золотая улочка. Когда-то здесь жили стрельцы Града и золотых дел мастера. Интересно, как они умещались в маленьких домиках, выстроенных, будто для сказки?

На романтически-живописных улочках Градчан все дышит любовью и интимностью. Так и кажется: сейчас пробежит молодая пражанка по улочке, бегущей резко вниз, торопливо перебирая ножками по высоким ступенькам к таинственному дому, чтобы укрыться там в любовной неге.

На Масариковской набережной в кафе мы присели перекусить и, конечно, насладиться пивом. К заказанному салату официант принес ложку и вилку. Надо же, до сих пор я знала: салат едят с помощью ножа и вилки. Оказывается, этот салат из капустной феерии едят ложкой. Большие бокалы с пенящимся пивом Старопрамен поставлены на стол.

— Подожди, дорогой, сейчас наведу фотоаппарат. Не крути головой. Замри. Снимок готов, назовем его «Пиво на Масариковской».

Мы пьем сочный пенистый напиток и прокладываем по карте Праги дальнейший маршрут. Вдруг краем глаза ухватываю невольного свидетеля нашей радости. Говорю мужу:

— Смотри на крышу дома напротив. Ангел сидит и на нас глядит.

Ангел кажется реальным, и я не выдерживаю, обращаюсь к нему:

— Друг, спускайся, угостим тебя пивом.

— Не богохульствуй, — смеется муж. Он на секунду задумался, ухмыльнулся. — А помнишь наш студенческий закон? В хорошем теле хороший дух, не пей на трех, а пей на двух.

Ох, этот закон. Мы, действительно, никого не пускали в нашу маленькую компанию. Реализовывались друг в друге настолько, что не нужны были ни друзья, ни родственники. С годами единство укреплялось, хотя по своей противоречивости мне всегда хочется куда-то выскочить.

Ангел необыкновенно выразителен. Кажется, сейчас спрыгнет, подсядет к нам и скажет:

— Наливайте, вздрогнем вместе.

Хотя нет, он, наверное, скажет по-чешки, что-нибудь вроде: «С вэлким помешением, едно малз пиво» (так звучит в разговорнике: «С большим удовольствием, один маленький бокал пива»).

Проходя мимо одного из прилавков пражского рынка, остановила взгляд на кукле, ведомой продавцом с помощью ниток. Веселый рыжий клоун в голубом берете, с широким галстуком, в широченных штанах, замечательно отплясывал, протягивая между подскоками свои руки ко мне. Я сразу поняла: это Франтишек, и он должен быть с нами. Так появился у меня пражский приятель.

Он и сейчас рядом, по всей видимости, радуется, что вспоминаю его родину. Франтишек — первая кукла моей коллекции. У мужа — фотографии с пивом, у меня — национальные куклы.

Долго-долго едем в автобусе. Мария, Зденек и Войтех стали нашими друзьями. Мария — чешка, высококлассный гид, провезла нас от Праги по всему маршруту. Много рассказывала, умудряясь не утомлять обилием сведений, организовывала экскурсии и терпеливо ждала нас с прогулок. Зденек и Войтех — отличные водители. Мы восхищались их умением и спокойствием. Терпеливо они приучали нас к чешской музыке, которая заполняла в поездках сердца неугомонных экскурсантов. Ах, эти «Праздничные чешские пляски»! Под них неустанно плясалось на автобусном сиденье. «Йожин з Бажин» проник в самое сердце. Мелодичная «Ночко» звала к нежности. А уж когда услышались знакомые с детства слова «Сладко спишь ты, Марианна», мне стало окончательно ясно: вся моя жизнь связана с Чехией.

И вот наступил последний день в прекрасном городе Праге, завтра самолет поднимется ввысь и унесет из сказки в реальность. Мария позвала нас в милый ресторанчик на окраине города:

— Будет музыка, вино и пиво по желанию, вкусная еда. Поедем?

Конечно, кто же откажется от приглашения?

— Dobry veser,— слышали мы пожелания доброго вечера и так же отвечали.

— Prosim, pritel,— по-дружески обращались к нам хозяева.

«Decuji vam», «Decuji vam mnohokrat»,— всюду слышались слова благодарности.

Звучала музыка, и мы танцевали, особенно увлекаясь чешской полькой, с детства знакомой и сейчас захватившей в плен! Вспомнились Вольдемар Матушка, Хелена Вондрачкова и Карел Готт — певцы, часто звучавшие когда-то по советскому радио, мне казавшиеся представителями загадочного мира. Произносились тосты за чудных и добрых жителей Праги. Поднимались бокалы и осушались до дна.

Музыканты в национальных костюмах с народными инструментами пели веселые чешские песни. Мы дружно аплодировали. Они затянули грустную песню, и, хотя настроение было веселым, эта песня пришлась кстати: она успокаивала и напоминала о доме.

В какой-то момент два «квадратных» парня нашей компании, изрядно поддав, стянули с себя рубашки, засверкав толстыми голыми животами. Так и вспомнилось из детства: «...Хлоп по пузу кулаком». Один из них подошел к певцам:

— Не-а, то не наши песни,— пьяно объявил он, отодвигая музыкантов.— Я щас сам для вас сбацаю.

Квадратный взял гитару, повернул ее струнами вниз, заколошматил по деке ладонями и заорал:

*Мы вместе грабили одну и ту же хату,
В одну и ту же мы проникли щель,—
Мы с ними встретились, как три молочных брата,
Друг друга не выдавшие вообще...*

Одна из трагичных песен Владимира Высоцкого звучала, словно блатная пустышка. Никто не подхватил, парень орал один, однако что-то до него дошло, и он вдруг умолк.

Могли мы дальше веселиться? Вечер был испорчен. Конечно, мы еще сидели, не уходили. Конечно, мы попросили Марию, чтобы она извинилась за нас перед хозяевами ресторанчика и музыкантами, и они нас, разумеется, извинили. Но до сих пор я вспоминаю тяжелое чувство стыда и досады, охватившее меня в тот вечер.

И все же красавица Прага осталась доброй памятью в сердце. Мы долго бродили по ее ночным волшебным улицам. Улетать не хотелось. А надо было возвращаться домой, к делам и проблемам.

— Ты знаешь,— грустно сказал муж,— я устал от беготни, хочу домой.

«Тоска по Родине! Давно разоблаченная морока!» — произнесла я строки Марины Цветаевой, которая когда-то мечтала вернуться отсюда домой, и потом, когда вернулась, неистово желала оказаться снова в Праге.

Так и я. Рвалась в Москву, к шумным ярмарочным улицам, к русской речи, бьющейся через край весельем и радостью, к важным делам, ожидавшим моего возвращения. И знала, что скоро буду рваться сюда, в мир удивительной красоты и свободы.

Каждый раз, рассматривая фотографии нашего первого выезда за границу, мне так и хочется сказать: «Поедем в Прагу, дорогой!».